

Источник: Словесность и культура как образ национальной ментальности : юбилейный сборник трудов преподавателей филологического факультета ВГПУ / ГОУ ВПО «Вологод. гос. пед. ун-т». – Вологда, 2010. – С. 12-26.

**Семантика некалендарных прозвищных личных имен
в деловой письменности Северной Руси начала XVII в.
(на материале писцовых книг
Белоозера, Вологды, Великого Устюга)**

Имена — это тоже язык, язык и культура в своих, может быть, характернейших ракурсах... которые могут объяснить многое в языке и культуре вообще.

О.Н. Трубачев

В ряде работ по исторической антропонимике (В.Д. Бондалетов и другие) дается периодизация восточнославянской антропонимии. Как правило, выделяются два периода: дохристианский и христианский. Граница между ними — 988 г. — год крещения Руси. В.А. Никонов делит второй (христианский) период на четыре более мелких: 1) X—XIII вв.; 2) XIV—XVII вв.; 3) От Петра I до реформы 60-х годов XIX в.; 4) 1861—1917 гг. [1].

Выделение двух периодов — X—XIII вв. и XIV—XVII вв., соотносящихся со временем существования общевосточнославянского (древнерусского) языка и языка великорусской народности (старорусского), — оправданно, потому что состав и структура русского именника в эти периоды существенно различались. Именник восточных славян в период их этнической общности изучен явно недостаточно, хотя в наши дни в связи со значительным пополнением состава берестяных грамот уже можно выявить особенности антропонимической системы этого отдаленного от нас времени.

Попытки такого рода уже предпринимались лингвистами. Помимо работ С. Роспонда, Н.А. Мещерского и др., отметим статью Н.В. Подольской, в которой выделены группы древнейших некалендарных имен: первично непроизводные (*Крибъ, Малъ, Сыпъ* и др.), сложные (композиты): *Бориславъ, Ратъмиръ, Мирославъ*, вторичные производные (*Нажиръ, Несулъ*), отмечено также наличие прибалтийско-финских антронимов. Отличительная черта древнейшей славянской антронимии — наличие общеславянских (и даже индоевропейских) элементов, преемственность имен в ходе динамики антронимической системы [2].

Эти и некоторые другие работы положили начало исследования антронимов древнерусского языка. Антронимическая система X—XIII вв. требует дальнейшего глубокого и всестороннего изучения.

Антронимия более позднего времени (XIV—XVII вв.) изучена более основательно (см. работы А.М. Селищева, Н.М. Тупикова, В.К. Чичагова, С.И. Зинина, А.Н. Мирославской и др.). Однако и здесь остается множество не решенных пока еще вопросов. Достаточно напомнить, например, различные мнения по поводу разграничения некалендарных личных имен и прозвищ. В.К. Чичагов считает, что в XV—XVII вв. некалендарные имена были уже не именами, а прозвищами [3]. По словам М.К. Тупикова, старые русские имена всегда были официальными, различий между именами и прозвищами в структурной формуле именований человека не было [4].

Даже беглый взгляд на состав и структуру имен русского языка XV—XVII вв. свидетельствует о глубоких различиях в именованиях людей в сравнении с периодом XI—XIII вв. Значительно активизируются в языке великорусской народности календарные имена, почти полностью выпадают композиты (за исключением тех, которые нашли отражение в святыцах). Именно в этот период формируются две группы некалендарных имен, которые долгое время не находили общепринятых названий. А.М. Селищев именует их некалендарными личными именами и прозвищами. К сожалению, отличительные признаки этих групп ученым не были выделены. Более того, А.М. Селищев дает семантическую (по

значению основы) и морфемную (по суффиксальным элементам) классификацию некалендарных имен в целом, не разграничивая личные имена и прозвища [5].

А.Н. Мирославская называет эти две группы имен первичными и вторичными некалендарными. Опираясь на семантическую классификацию А.М. Селищева, в составе первичных она выделяет названия людей по порядку и времени рождения (*Первуша, Поздей*), имена, указывающие на отношения родителей к факту появления нового члена семьи (*Бажен, Ждан, Кручиня*), имена, характеризующие внешний вид новорожденного (*Беляй, Кроха, Худяк*), именования, определяющие черты характера, поведения, проявляющиеся с детства (*Безсон, Будай, Неупокой*).

В составе вторичных антропонимов ею названы именования по профессии, социальному положению, по месту происхождения, этнической принадлежности, по названиям животных, птиц, рыб, предметов, по внешнему виду, особенностям поведения, характеру, проявляющимся у человека, уже вышедшего из младенческого возраста. Подробная классификация вторичных некалендарных имен в ее работе отсутствует [6].

В дальнейшем Б. Унбегаун дает более удачные, на наш взгляд, названия этим группам: внутрисемейные личные имена и прозвищные. Именно эти термины нашли широкое применение в исследованиях по ономастике.

В работах по исторической антропонимике последних десятилетий (А.Н. Мирославской, Б. Унбегауна, Г.Я. Симиной, Т.В. Бахваловой и других) уже выявлены некоторые отличительные особенности внутрисемейных и прозвищных некалендарных личных имен. Суммировать их можно схематически.

	Внутрисемейные имена	Прозвищные имена
Время возникновения	Давались в семье после рождения ребенка	Присваивалась человеку во взрослом состоянии
Функция	Обычно идентифицирующая	Характеризующая, чаще вместе с идентифицирующей

	Внутрисемейные имена	Прозвищные имена
Стадия формирования	На онимической стадии	На апеллятивной стадии
Объем группы	Несколько десятков антропонимов	Несколько сотен антропонимов
Морфемная структура	Наличие суффиксов субъективной оценки	Суффиксы субъективной оценки отмечены в редких случаях
Местоположение в составе именований	Обычно на первом месте	Обычно на втором месте, изредка на первом
Ареал	Общерусские	Общерусские и локальные
Роль в современной антропонимической системе	В составе фамилий	В составе фамилий и прозвищ

Сопоставление признаков некалендарных внутрисемейных и прозвищных личных имен с календарными может подсказать ответ на вопрос, почему именно внутрисемейные имена активно «сопротивлялись» вытеснению христианскими и сохранились на Руси более длительный период. Многие признаки внутрисемейных имен, отличные от прозвищных, сближают их с календарными христианскими именами (функция, морфемная структура, местоположение в составе именования, роль в современной антропонимической системе). Недаром в работах ряда антропонимистов отмечается, что внутрисемейные имена составляют функциональное ядро некалендарных личных имен (А.М. Селищев, Т.В. Бахвалова).

Вместе с тем незначительный объем данной группы (несколько десятков антропонимов) вызвал появление одноименности и тем самым способствовал формированию значительного количества прозвищных имен, которые становились обычно дополнительными именами в формуле именования, идентифицирующими личность.

Некалендарные прозвищные имена русского языка XV—XVII вв. изучены недостаточно, особенно в семантическом плане.

Между тем они представляют исключительный интерес для исторической антропонимии и — шире — исторической лексикологии русского языка. Эти имена относятся к числу тех, которые дают возможность многое познать не только в русском языке того времени, но и в культуре.

Настоящая статья как раз и посвящается семантическому анализу прозвищных имен, отмеченных в переписных и дозорных книгах начала XVII в. таких северных городов, как Белоозеро, Вологда, Великий Устюг [7].

Известно, что XVII в. — это период, в течение которого некалендарные имена наиболее активно вытесняются заимствованными христианскими. Дальнейшее рассмотрение материала свидетельствует о том, что на Русском Севере в первой половине XVII в. некалендарные имена еще устойчиво сохраняют свои позиции, что подтверждает мысль О.Н. Трубачева о большой стойкости и преимущественном употреблении в деловой сфере традиционных русскославянских личных имен [8].

В исследуемых источниках некалендарные прозвищные имена могли выступать в качестве личного имени, являясь иногда единственным компонентом именования (*Живляк* — ДКБ, 71; *Петеля Захаров* — ДКБ, 36); второго дополнительного личного имени (*Семейка Гнус* — ДКВ, 357; *Васька Шабала* — ПКВУ, 175). Кроме того, на их основе формировались полуотчества и фамильные прозвания (*Данилко Угримов* — ДКБ, 60; *Максимко Цыкавин* — ПКВУ, 164; *Ондрюшка Микифоров Бекетов* — ПКВУ, 200; *Вторышка Ильин сын Турбаков* — ДКБ, 45). Такого рода патронимы и фамильные прозвания являются базой реконструкции прозвищных имен.

Все исследуемые прозвищные имена делятся на две неодинаковые по объему лексико-семантические группы: в составе первой объединяются имена, содержащие характеристику самого именуемого (его внешний вид, внутренние качества, поведение). В составе второй, намного уступающей по объему, — имена, характеризующие человека по отношению его к разным сторонам жизнедеятельности, различным жизненным обстоятельствам (по названию рода деятельности, указание на социальное и имущество).

ственное положение, на этническую принадлежность, на прежнее место жительства и т.д.).

Первая АСГ делится на ряд подгрупп. Самая значительная из них связана по происхождению с апеллятивами, характеризующими внутренние душевые качества человека, его поведение и характер. В составе ее объемом и компактностью выделяется лексическое множество, компоненты которого соотносятся с нарицательными именами-существительными, отражающими особенности речи и характера человека. Отметим в составе данной группы прозвищные личные имена, восходящие к апеллятивам со значением: а) 'болтливый человек, пустомеля': Ондрюшка *Мелень* (ДКБ, 59), Ондрюшка *Балакша* (ПКВУ, 176), Васька *Гундаров* (ПКВУ, 175), *гундаръ* 'болтун, пустомеля, говорун' (Д; I, 408); *Лазутка Зех* (ДКБ, 69), *зехать новг.*, твер. 'кричать, орать' (Д, I, 681); *Сутиря Некрасов* (ДКБ, 36), *супорить* влгд. 'говорить пустое, вздорное, попусту толковать' (Д; III, 365); Васька *Шабала* (ПКВУ, 175), *шабала* 'болтун, лгун, балагур' (Д; IV, 642); Нечай *Щелкунов* (ПКВУ, 336), *щелкун* 'пустобай, забияка' (Д; IV, 653) и др. б) 'человек с невнятной, гнусавой речью': Тренка *Бормот* (ДКБ, 226), *бормот* 'кто говорит невнятно, про себя, ворчит' (Д; I, 131); Ондрюшка *Микифоров Бекетов* (ПКВУ, 200), *бекетать* 'кричать по-овечьи, мялить' (Д; I, 80); Федор *Ревякин* (ПКВУ, 191), *ревяка* прозвище медведя, *ревун* 'крикун, плакса' (Д; IV, 89); Ортемка *Гнусин* (ПКВУ, 218); Семейка *Гнус* (ДКБ, 357); *гнус* 'тот, кто говорит в нос, гнусаво' и др.

Общую сему с рассмотренными прозвищными личными именами имеют имена, образованные от существительных со значением 'беспокойный, шумный, вспыльчивый человек': Одрюшка *Опалиха* (ДКБ, 350), *опальство* 'вспыльчивость', *опальчивый* 'гневный, вспыльчивый' (Д; II, 675); Петеля Захаров (ДКБ, 36); *петельщик* 'сорванец, вспыльчивый человек' (Д; III, 106); Ивашико *Трека* (ДКБ, 354), *трекать* влгд. 'бить, колотить' (Д; IV, 428); Вторышка Ильин сын *Туръзаков* (ДКБ, 45), *туразить* 'тонять, ловить с шумом, криком' (Д; IV, 444); Жданко Яковлев *Гремячей* (ПКВУ, 176) и др.

Более негативный характер имели личные имена, восходящие к существительному со значением 'брюзга, сварливый человек', а

также ‘угрюмый, суровый’: Степанко *Рагоза* (ДКВ, 348), поп *Рагоза* (ДКБ, 78), Неупокой *Рогозин* (ДКБ, 50), *рогоза* сев. ‘ссора, брань’; ‘сварливый, неуживчивый человек’ (Д; IV, 2); Ортюшка Ильин сын *Копосов* (ДКБ, 42), *копоский* вологод., новг. ‘придирчивый, брюзгливый’ (Д; II, 158); Данилко *Угримов* (ДКБ, 60), Фетка *Суворов* 352), *суворый* перм. ‘суровый, сердитый’, *сувор* ‘нелюдим, брюзга’ (Д; IV, 353); Максимко *Цыкавин* (ПКВУ, 164), *цыкавый* запл. ‘сварливый’ (Д; IV, 574).

Примыкают к данной группе личные имена, образованные от существительных со значением ‘тот, кто ссорит людей, издевается и смеется над ними’: Ивашко *Галибин* (ДКВ, 390), *галиться* сев. ‘смеяться, издеваться’ (Д; I, 312); Тренка Ондреев *Гиганов* (ПКВУ, 163), *гиганить* вят., перм. ‘зубоскалить, поднимать на смех’ (Д; I, 350), *Матурко Логинов* (ДКБ, 108), *матуриться* новг. ‘издеваться’ (Д; II, 302); Богдашко *Чмутов* (ДКБ, 50), *чмутить* перм. ‘ябедничать, смущать, ссорить’ (Д; IV, 602); Ромашко *Дерябин* (ДКБ, 54) и др.

Отмечены личные имена, образованные от апеллятивов, характеризующих моторику человека — подвижный, быстрый, лихой, отважный: *Лихачко* (ДКБ, 53); Филатко *Лихачёв* (ДКБ, 52); Олешко Иванов сын *Огонь* (ДКБ, 45); Терешко *Быструня* (ДКВ, 341), Ивашко *Удалой* (ДКВ, 337); *Туранко* (ПКВУ, 212), *туровый* вологод., новг. ‘скорый, быстрый, бойкий’ (Д; IV, 444).

Особо можно выделить группу личных имен, в лексическом значении которых доминирует денотативная сема ‘суетливый человек’: Ивашко Петров *Булдаков* (ПКВУ, 192), *булдачиться* ‘суетиться, метаться, суматошиться’ (Д; I, 140); *Суета Мирин* (ДКБ, 99); *Тюшланка* Петров (ДКВ, 339); Некрас *Тюшаков* (ДКБ, 68), *тиюшиться* костр. ‘суетиться’ (Д; IV, 450), *Шемячико Наумов* (ДКБ, 75), *шеметать* ‘суетиться попусту, бездельничать’ (Д; IV, 628).

Сравнительно невелик круг слов, которые соотносятся с апеллятивами, характеризующими человека по его мыслительным (интеллектуальным) способностям. Критически оценивались излишняя простота, несообразительность, тупоумие: Павлик *Булыга* (ДКВ, 359), *булыга* ‘болван, дубина, неотесанный человек’ (Д; I, 141); Ивашко *Гогунин* (ПКВУ, 175), *гогона* новг., череп. ‘болван,

чучело' (Д; I, 364); Юшко Бусырев (ДКВ, 362), *бусырь* 'глупый человек, придурок' (Д; I, 681); Лазурка Зех (ДКБ, 69), *зеха пск.*, твер. 'разиня, простофиля' (Д; I, 681); Ефим Дураков (ДКБ, 54); Михайло Дурносопов (ДКБ, 68); Ивашко Сопухин (ПКВУ, 178); Богдашко Тютя (ДКВ, 347) и др.

Намного обширнее группа личных имен, дающих социальную оценку характера и поведения именуемого, в основном пейоративную. Осуждалось поведение человека, не желающего работать, бездельника, занимающегося бродяжничеством: Фетко Базука (ДКВ, 346), *базук* вологод. 'бранчливый, шатун, своевольный' (Д; I, 381); Таскайко (ПКВУ, 197), *таскун* 'шатун, беспутный проедала' (Д; IV, 392); Шишарка (ПКВУ, 202), *шишара* перм. 'сброд, шваль, голь перекатная' (Д; IV, 636); Матюшка Борисов Шельгин (ПКВУ, 202), Шельга Тяпрингин (ДКБ, 50), *шельган* новг. 'шалопай, бродяга, бездельник' (Д; IV, 620); Семен Шиши (ДКБ, 60), *шиши* вят. 'шатун, бродяга, вор' (Д; IV, 636); Гуляйко (ДКБ, 45); Гуляйко Васильев плотник (ПКВУ, 183); Якунко Кастя (ДКВ, 335), *касть* 'пакость, мерзость, гадость' (Д; I, 95); Врага Мосеев (ПКВУ, 191); Брага (ДКВ, 380), Олешка Рострута (ДКВ, 402); Пьянка (ДКВ, 355); Микифор Хорохора (ДКБ, 60), *хорохорник* 'оборванец' (Д; IV, 561); Петр Беспортишник (ДКВ, 370); Богдашко Лежибоков (ДКВ, 365); ср. также: Иван Похабов (ПКВУ, 905); Васка Иванов Соплин (ПКВУ, 200); Гришка Вишков (ПКВУ, 189) и др.

К данному лексическому множеству примыкают прозвищные имена, характеризующие внешний облик человека и одновременно вскрывающие внешнюю сущность его: Пятунка Петров сын Огваздин (ДКБ, 43), *огваздать* твер. 'обмазать, опачкать, огадить' (Д; II, 642); Урюпа (АСВР, 1561, 293), *урюпа* новг. 'неряха, разгильдяй, замаранный' (Д; IV, 610); Грязка Сергеев (ДКВ, 365); Сенка Заварза (ДКВ, 365). Не остается незамеченным и такое свойство личности, как излишняя щеголеватость: Васка Щапок (ПКВУ, 208), *щап* 'щеголь, франт', *щапать* 'щеголять, франтить', сев.-вост. (Д; IV, 657); Лихашко Щеголь (ДКБ, 68); Ивашко Иванов Гогол, *гогол* 'франт, волокита' (Д; I, 364); Ивашко Иванов Чистяков (ПКВУ, 199) и др.

Вторая не менее обширная подгруппа прозвищных личных имен — имена, восходящие к существительным со значением ‘наименование человека по его физическим внешним данным’. Выделяются личные имена, указывающие на рост именуемого, причем названий человека невысокого роста значительно больше: Ивашко Коротыга (ДКБ, 71); Микитко Короткой (ДКБ, 346); Тимошка Маленькой (ДКБ, 336); Сакулка и Мишка Маленькие (ДКБ, 348); Курбат Поляков (ПКВУ, 217); Короткой Григорьев (ДКБ, 54); Коротайко Тарасов (ДКБ, 54); но всего одно имя Якушко Долгой (ДКБ, 347).

В оппозиции худой — полный больше внимания обращается на первый член оппозиции: Нечайко Сухой (ДКБ, 352); Ивашко Драница (ДКБ, 336); Тонкуша Веселой (ДКБ, 382); Суханко Замошкин (ДКБ, 300); Карпунко Кощафка (ДКБ, 64); Дениско Кощеев (ДКБ, 339); Тренко Тонкой (ДКБ, 69); Ермолко Ходоежен (ДКБ, 66); Харя Худошев (ДКБ, 71); Пятунка Карасов Художила (ПКВУ, 163); Пятунка Иванов Моща (ПКВУ, 180); Первушка Мора (ДКБ, 348) и др. Второй член оппозиции находит выражение только в следующего рода наименованиях: Максим Толстая Потылица (ДКБ, 71); Рудачко Брюшинин (ДКБ, 62); Васка Савельев Толстой (ПКВУ, 190); Первушка Колоб (ДКБ, 357); Ивашко Пуза (ДКБ, 319); Сава Брюхин (ДКБ, 58).

Ряд личных имен восходит к именам существительным со значением ‘наименования человека по его физическим недостаткам’: Демка Семенов сын Хромцов (ДКБ, 41); Харитонко Степанов Колосолап (ДКБ, 41); Гришка Скуляба (ДКБ, 338), скулябленный ‘искривленный, искалеченный’ (ВФ, 93); Федор Сухорук (ДКБ, 359); Олешка Косой (ДКБ, 357); Логинко Глухой (ДКБ, 60); Иван Глушок (ДКБ, 349); Некраско Горбунов (ДКБ, 60); Жданко Горбунов (ДКБ, 342); Илейко Шадра (ДКБ, 357) и др.

Отдельные личные имена указывают на внешние физические признаки, которые обращают на себя внимание окружающих: Ивашко Белорук (ДКБ, 352); Богдашко Тимофеев Белоног (ПКВУ, 220); Мишка Семенов сын Белогуз (ДКБ, 45); Онисимко Корноухов (ПКВУ, 102); Иевко Микитин Толстоухой (ПКВУ, 200); Богдашка Шулга (ДКБ, 360); Коземко Лысой (ДКБ, 60); Оксютка

Рябок (ДКБ, 66); Ивашко Рябуха (ПКВУ, 224); Семитка Черной (ДКВ, 357); Ивашко Черной (ДКБ, 59); Перша Рыжков (ДКВ, 351); Ивашко Глазун (ДКВ, 337); Баженко Кудреватый (ДКВ, 339) и др.

Отмечены личные имена, восходящие по происхождению к названиям частей тела человека, видимо, чем-то выделяющихся у именуемых: Савка Офонасьев Брилкин (ПКВУ, 192), брила ‘туба’; Якушко Нос (ДКВ, 350); Ивашко Шейка и Ивашко Шеин (ПКВУ, 221, 175); Васка Карпов сын Голова (ДКБ, 41); Зеленка Иванов сын Локтев (ДКБ, 41); Гришка Ус (ДКБ, 43); Жданко Ус (ДКВ, 359); Осташко Лаврентьев Борода (ПКВУ, 193).

Значительное число именований горожан, связанных с названиями животных (зоофорные имена). Известно, что в доисторический период существовала вера в чудесную силу животных, от которых якобы могли вести происхождение те или иные группы населения. Такими тотемами (покровителями рода) могли быть волк, медведь, конь, бык, кукушка, ворон, заяц и др.

В местных документах Кирилло-Белозерского монастыря конца XIV в. они чаще употреблялись на первом месте в составе формулы именования: Волк Бородавский (1397; АСВР II, 5), тиун Олень (1397; АСВР II, 5); Ворон (1397; АСВР II, № 9) и др. В более поздних источниках XV–XVI вв. Кирилло-Белозерского и Спасо-Прилуцкого монастырей такого рода имена занимают второе место, являются дополнительными личными именами (явления двуименности): Яков Корова Митин сын Шестаков (1435 АСВР II, № 319); Микула Кот Ортемьев сын Шестаков (1435 АСВР II, № 319); Олександр Заецъ Микитинъ (1448; АСВР II, № 115); Олешко Орел (1492; АСВР II, № 290); Кирил Корова (ВХК, 275); Стефан Сорока (ВХК, 305); Савва Собака (XVI; ВХК, 263).

В исследуемых писцовых и дозорных книгах Вологды, Белозера, Великого Устюга начала XVII в. зоофорные личные имена отмечены, как правило, либо на втором месте в составе модели именования, либо они явились базой для образования патронимов (отчеств), либо фамильных прозваний. Рассмотрим состав зоофорных имен по семантике производящей основы.

Самое значительное число прозвищных имен было связано с названиями домашних животных, поскольку свойства, повад-

ки, внешний вид их были хорошо известны. Часты имена, образованные от таких названий животных, как *бык*, *конь*, *мерин*, *баран*, *козел*, *корова*, *поросенок*, *собака*: Игнашка Быков (ДКБ, 59); Ивашка Гаврилов *Бык* (ПКВУ, 90); Кондрашка Конь (ДКВ, 362); Коняшко Филипов (ДКВ, 361); Ондрей Меринов (ДКВ, 344); Ивашко Савельев *Баранов* (ПКВУ, 189); Гришка *Баранов* (ДКВ, 366); Герасимко Иевлев *Козел* (ДКВ, 221), Ивашко *Козел* (ДКВ, 362); Фочка Микитин *Коровин* (ПКВУ, 199); Дружиня Тимофеев *Собакин* (ДКБ, 4); Фетка Кобелев (ПКВУ, 164); Тренька Поросячев (ДКБ, 60); Первушка *Свиньин* (ДКВ, 359) и др.

Вполне вероятно, что в XVII в. под влиянием христианской религии уже исчезли пережитки тотемизма, поэтому зоофорные имена давались по другой причине. Как считает А.В. Гура, в традиционной культуре образы животных служат одним из средств выражения представлений о мире и различных его проявлениях [9]. По мнению Е.Н. Ивановой, в семантической структуре зоонимов выделяются образные компоненты, которые отражают древние представления о животных. «Истоки образа лежат в мифе о животном и в бытовых прагматических представлениях народа» [10]. Так, например, в образной семантической структуре слова *бык* ведущими семами являются «массивность, устойчивость», *баран* — «закругленность, раздвоенность», *козел* — «крестообразность, устойчивость», *конь*, *кобыла* — «продолговатость, устойчивость», *кабан*, *свинья* — «округлость, массивность» [11].

Выявление именно таких или подобных внешних физических признаков в именуемых и приводило к активизации зоофорных прозвищных личных имен.

Личные имена, восходящие к названиям диких животных, немногочисленны: Лучка *Медведь* (ПКВУ, 183); Дружинка *Микифоров сын Лося* (ДКБ, 42); Степанко *Кузьмин Лисица* (ПКВУ, 191); Жданко *Бобров* (ДКВ, 338); Дружинка Тимофеев *Хомяк* (ДКБ, 45).

Можно отметить в качестве личных имен также названия домашней птицы: Филка *Курица* (ДКБ, 45); Петрушка *Курица* 196; Ортошка *Курочкин* (ДКВ, 316); Ивашко Некрасов *Петухов* (ПКВУ, 202). Личные имена, образованные от названий птиц, передавали физические свойства и особенности человека. В народном

сознании ворона — это «ротозей, зевака», стриж — «быстрый, подвижный человек», воробей — «ловкий, проворный», коршун — «черный, зловещий», голубь — «доброта, кроткость» и т.д. Ср.: Мишка Иванов *Стрижев* (ПКВУ, 192); Ивашко *Коршун* (ПКВУ, 180); Якунко *Воробьев* (ДКВ, 346); Федорка *Воробьев* (ДКВ, 346); Богдашко *Цывилин* (ДКВ, 351), циваль — в волог. ‘воробей’ (Д; II, 574); Перша *Воронин* (ДКВ, 360); Голубь (ДКБ, 57); Митка *Синица* (ПКВУ, 290); Ивашко *Цапля* (ПКВУ, 175); Шалимко *Микитин* *Кулик* (ПКВУ, 145); Осипко *Галкин* (ДКБ, 57) и др.

Незначительны группы личных имен, образованных от названий насекомых: Тренка *Мизгирь* (ДКБ, 59); Митка *Паутов* (ДКВ, 352); Петрушка, Кондрашка, Якунка *Жужины* (ДКВ, 355); Мишка *Жужин* (ПКВУ, 180), жужга — перм., вят. ‘насекомое, поедающее в засуху хлеб под корень’ (Д; I, 546); Комаръко *Рогачевец* (ДКБ, 46); Олешка *Комаров* (ДКВ, 359); Никита *Комар* (ДКБ, 42), Кирилко *Мухин* (ДКВ, 346); Васка *Ларионов* *Мураш* (ПКВУ, 181).

Среди нескольких сотен личных имен в наших материалах отмечены только три имени, восходящие к названиям растений: Постепко Васильев сын *Чапыжников* (ДКБ, 41); Поздачко *Рябинин* (ДКВ, 197); Елизарко *Карпов* *Соснин* (ПКВУ, 200).

Состав второй лексико-семантической группы некалендарных прозвищных личных имен, характеризующих человека по отношению его к разным видам жизнедеятельности, к различным жизненным обстоятельствам, как мы уже отметили, незначителен по объему. Эти имена занимают в формуле именования обычно второе место. Выделяется группа личных имен, образованных от названий профессий, связанных с кожевенным делом: Нечайко *Хомутянников* (ДКБ, 45); Якуня *Кошкодав* (ДКБ, 58); Посник *Овчинников* (ДКБ, 62); Петрушка *Баранников* (ДКБ, 64); Лучка *Шлейников* (ДКВ, 357); с бондарным: Сидор *Кадников* (ДКБ, 60); Семко *Тшаник* (ДКБ, 63); кузнецким: Малах *Кузнецов* (ДКБ, 60); Худяк *Железников* (ДКБ, 51); Богдашко Нестеров сын *Бронников* (ДКБ, 42) и др. промыслами и ремеслами: Ортемка *Пирожников* (ДКБ, 50); Третьячко *Пирожник* (ДКБ, 63); Осипко *Дехтярь* (ДКБ, 64); Кирилко *Ветошинников* (ДКВ, 345); Ивашко *Расторгуй* (ДКВ, 347) и др.

В Великом Устюге и Вологде отмечено прозвищное личное имя *Веселой*: Олешко Кузьмин *Веселой* (ПКВУ, 183), Тонкуша *Веселой* (ДКВ, 352); Ивашко *Веселой* (ПКВУ, 189), *веселой 'скоморох, певец, музыкант'* [Сл. РЯ XI—XVII, II, 112].

Ряд прозвищных личных имен восходит к названиям продуктов труда, изготавливаемых в тот период на севере: Петрушка Иванов *Толоконцев* (ПКВУ, 203); Степка *Колбаса* (ДКБ, 64); Орефа *Леденицын* (ДКБ, 60); Степанко, Богдашко и Филиппко *Леденцовы* (ДКВ, 300); Первушка *Кисель* (ДКВ, 3059), Гришка *Ковригин* (ПКВУ, 85); Санко *Чеботов* (ДКБ, 45); Томилко Лазарев сын *Башмаков* (ДКБ, 45); Третьяк *Сарфанов* (ДКВ, 336); Ушак *Мотовилов* (ДКБ, 62); Микифор *Телегин* (ДКБ, 63); Илейко Рубелев (ДКВ, 344); Семейка *Зобенкин* (ДКВ, 349); Харка *Косарев* (ДКБ, 55); Гришка *Батошков* (ДКВ, 339) и др.

И, наконец, отмечено несколько личных имен, образованных от этнонимов: Чудинко Степанов (ДКБ, 36); Чудинко Андреев (ДКБ, 43); Семейка Армянинов (ДКВ, 346); Дениско Корела (ДКВ, 361); Сенка Кореленин (ДКБ, 42).

Итак, оценивая лингвистическую информативность прозвищных личных имен, следует сказать, что они проливают некоторый свет на историю колонизации данного региона. Анализируемые личные имена отражают по преимуществу следы западной новгородской колонизации (*Гогунин* — ПКВУ, *Шалыгин* — ПКВУ, *Туранко* — ПКВУ, *Цыкавин* — ПКВУ, *Зех* — ДКБ, *Копос* — ДКБ, *Матурко* — ДКБ, *Огвазда* — ДКБ, *Булыга* — ДКВ, *Урюпа* — ДКВ и др.). Ряд прозвищных личных имен формируется из апеллятивов, возникших уже в период более или менее длительного пребывания славян на данной территории (*Сутыря* — ДКБ, *Трека* — ДКВ, *Галибин* — ДКВ, *Базун* — ДКВ, и др.). Отдельные факты свидетельствуют о формировании Восточной вологодской группы говоров (*Гиганов* — ПКВУ, *Чмутов* — ДКБ, *Шишарка* — ПКВУ) и др.

Вместе с тем рассмотренные прозвищные личные имена дают возможность реконструировать значительную группу диалектной лексики — названия лиц, которая характерна была для лексического состава говоров Двинско-Сухонского междуречья XV—

XVII вв., но не попала в памятники письменности и не нашла в связи с этим отражение в исторических словарях русского языка.

Исследуемые антропонимы отражают мир понятий и представлений населения Русского Севера XV—XVII вв. Малопригодные для жизни человека природные условия северной территории, тяжелые условия труда, связанные с подсечно-огневым земледелием, отолоски языческих верований с их грозными, беспощадными божествами — все это оказало решающее воздействие на складывание национального характера русского населения на севере России. Борьба за существование в течение столетий приводила к тому, что учитывались и подвергались осмеянию такие черты характера, поведения, внешнего облика человека, которые мешали выживанию, т.е. пустое времяпрепровождение, нежелание трудиться, бродяжничество, физическая слабость и т.д. Вот почему почти все исследуемые прозвищные личные имена имели пейоративную оценку.

Для отражения более полной картины понятий и представлений русского человека XV—XVII вв. необходимо исследование семантики прозвищных имен ряда регионов России.

Примечания

1. Nikonorov V.A. Die Periodisierung der russischen Anthroponymie von den Anfängen bis 1917 (Vorläufiges Schema) // Sowjetische Namenforschung. — Berlin, 1975. — S. 103—115.
2. Подольская Н.В. Некоторые вопросы ономастики в связи с анализом берестяных грамот // Историческая ономастика. — М., 1977.
3. Чичагов В.К. К истории русских имен, отчеств и фамилий. — М., 1959.
4. Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. — СПб., 1903.
5. Селищев А.М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // Избранные труды. — М., 1968.
6. Мирославская А.Н. О древнерусских именах, прозвищах и прозваниях // Перспективы развития славянской ономастики. — М., 1980.
7. 1617/18 — Дозорная книга города Белоозера «письма и дозору» Г.И. Квашнина и подьячего П. Дементьевса // Белозерье: Историко-литературный альманах. — Вып. 1. — Вологда, 1994. — С. 37—76; Дозорная книга посада Вологды князя П.Г. Волконского и подьячего Л. Софонова. 1616—1617 гг. // Вологда: Историко-краеведческий альманах. — Вып. 1. — Вологда, 1994. —

С. 333–371; Писцовая книга Великого Устюга письма и меры М. Вышеславцева и подьячего А. Федорова 131, 132 и 134 гг. (ПКВУ) // Бысть на Устюзе: Историко-краеведческий сборник. — Вологда, 1993. — С. 160—233; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI вв. — М., 1958 (АСВР); Чайкина Ю.И. Вологодские фамилии: Словарь. Вологда, 1995 (ВФ); Вотчинные хозяйствственные книги XVI в.: Приходные, расходные и окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574–1600 гг. — М.; Л., 1979 (ВХК).

8. Трубачев О.Н. В поисках единства. — М., 1992.

9. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. — М., 1997. — С. 22.

10. Иванова Е.Н. Образы животных в предметной диалектной лексике русского языка // Ономастика и диалектная лексика. III. — Екатеринбург, 1999. — С. 280.

11. Там же. — С. 183.